

Былины о русских богатырях: Добрыня и Маринка

В стольном в городе во Киеве
У славного сударь князя у Владимира
Три годы Добрынюшка стольничал,
А три годы Никитич приворотничал,
Он стольничал, чашничал девять лет,
На десятый год погулять захотел
По стольному городу по Киеву.
Взявши Добрынюшка тугой лук
А и колчан себе каленых стрел,
Идет он по широким по улицам,
По частым мелким переулочкам,
По горницам стреляет воробушков,
По повалушам стреляет он сизых голубей.
Зайдет в улицу Игнатьевску
И во тот переулок Маринин,
Взглянет ко Марине на широкий двор,
На ее высокие терема.
А у молоды Марины Игнатьевны,
У нее на хорошем высоком терему
Сидят тут два сизые голубя,
Над тем окошком косящатым,
Целуются они, милоются,
Желты носами обнимаются.
Тут Добрыне за беду стало,
Будто над ним насмежаются;
Стреляет в сизых голубей;
А спела ведь тетивка у туга лука,
Звыла да пошла калена стрела.
По грехам над Добрынею учинилося,
Левая нога его поскользнула,
Права рука удрогнула,
Не попал он в сизых голубей,
Что попал он в окошечко косящатое,
Проломил он оконницу стекольчатую,
Отшиб все причалины серебряные,
Расшиб он зеркало стекольчатое;
Белодубовы столы пошатались,
Что питья медяные всплеснулись.
А втапоры Марине безвременье было,
Умывалася Марина, снаряжалася
И бросилася на свой широкий двор:
«А кто это, невежа, на двор заходил,
А кто это, невежа, в окошко стреляет?

Былина загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Проломил оконницу мою стекольчатую,
Отшиб все причалины серебряные,
Расшиб зеркало стекольчатое».
И втапору Марине за беду стало,
Брала она следы горячие молодецкие,
Набирала Марина беремя дров,
А беремя дров белодубовых,
Клала дровца в печку муравленую
Со темя следы горячими,
Разжигает дрова палящатым огнем,
И сама она дровам приговариват:
«Сколь жарко дрова разгораются
Со темя следы молодецкими,
Разгоралось бы сердце молодецкое
Как у молода Добрынюшки Никитьевича.
А и Божья крепко, вражья то лепко».
Взяла Добрыню пуще вострого ножа
По его по сердцу богатырскому:
Он с вечера, Добрыня, хлеба не ест,
Со полуночи Никитичу не уснетса,
Он белого свету дожидается.
По его то щаски великия
Рано зазвонили ко заутреням.
Встает Добрыня ранешенько,
Подпоясал себе сабельку вострую,
Пошел Добрыня к заутрени;
Прошел он церкву соборную,
Зайдет ко Марине на широкий двор,
У высокого терема послушает.
А у молоды Марины вечеринка была,
А и собраны были душечки красны девицы,
Сидят и молоденьки молодушки,
Все были дочери отецкие,
Все тут были жены молодецкие.
Вшел он, Добрыня, во высок терем,
Которые девицы приговаривают,
Она, молода Марина, отказывает и прибранивает.
Втапору Добрыня ни во что положил,
И к ним бы Добрыня в терем не пошел.
А стала его Марина в окошко бранить,
Ему больно пенять.
Завидел Добрыня он Змея Горынчата,
Тут ему за беду стало,
За великую досаду показалось;
Сбежал на крылечка на красная.
А двери у терема железные,

Былина загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Заперлася Марина Игнатьевна,
А и молоды Добрыня Никитич млад
Ухватит бревно он в охват толщины,
А ударил он во двери железные недоладом,
Из пяты он вышиб вон,
И сбежал он на сени косящаты.
Бросилась Марина Игнатьевна
Бранить Добрыню Никитича:
«Деревенщина ты, детина, засельщина!
Вчера ты, Добрыня, на двор заходил,
Проломил мою оконницу стекольчатую,
Ты расшиб у меня зеркало стекольчатое».
А бросится Змеища Горынчища,
Чуть его, Добрыню, огнем не спалил,
А и чуть молодца хоботом не ушиб,
А и сам тут Змей почал бранити его,
Больно пеняти:
«Не хочу я звати Добрынею, Не хочу величать Никитичем,
Называю те детиною деревенщиною,
«Деревенщиною» и засельщиною;
Почто ты, Добрыня, в окошко стрелял,
Проломил ты оконницу стекольчатую,
Расшиб зеркало стекольчатое?»
Ему тута тко, Добрыне, за беду стало
И за великую досаду показалось;
Вынимал саблю вострую,
Воздымал выше буйны головы своей:
«А и хочешь ли тебе,
Змея, изрублю я В мелкие части пирожные,
Разбросаю далече по чистом полю?»
А и тут Змей Горынич, хвост поджав,
Да и вон побежал;
Взяла его страсть, так зачал...,
Околышки метал, по три пуда...
Бегучи, он, Змей, заклиняется:
«Не дай Бог бывать ко Марине в дом,
Есть у нее не один я друг,
Есть лутче меня и повежливее».
А молода Марина Игнатьевна
Она высунулась по пояс в окно,
В одной рубашке без пояса;
А сама она Змея уговаривает:
«Воротись, мил надежа, воротись, друг!
Хошь, я Добрыню обверну клячею водовозною?
Станет де Добрыня на меня и на тебя воду возить;

Былина загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

А еще хошь, я Добрыню оберну гнедым туром?»

Обвернула его, Добрыню, гнедым туром,

Пустила его далече во чисто поля,

А где то ходят девять туров,

А девять туров, девять братеников,

Что Добрыня им будет десятый тур,

Всем атаман золотые рога.

Безвестна не стало богатыря,

Молода Добрыни Никитьевича,

Во стольном в городе во Киеве.

А много де прошло поры, много времени,

А и не было Добрыни шесть месяцев,

По нашему то, сибирскому, слывет полгода.

У великого князя вечеринка была,

А сидели на пиру честные вдовы,

И сидела тут Добрынина матушка,

Честна вдова Афимья Александровна,

А другая честна вдова, молода Анна Ивановна,

Что Добрынина матушка крестовая.

Промежу собою разговоры говорят,

Все были речи прохладные.

Ниоткуль взялась тут Марина Игнатьевна,

Водилася с дитятыми княженецкими;

Она больно, Марина, упивалася,

Голова на плечах не держится,

Она больно, Марина, похваляется.

«Гой еси вы, княгини, боярыни!

Во стольном во городе во Киеве

А я нет меня хитрея, мудрея,

А и я де обернула девять молодцов,

Сильных могучих богатырей, гнедыми турами;

А и ноне я де опустила десятого,

Молодца Добрыню Никитьевича,

Он всем атаман золотые рога».

За то то слово изымается

Добрынина матушка родимая,

Честна вдова Афимья Александровна,

Наливала она чару зелена вина,

Подносила любимой своей кумушке,

А сама она за чарою заплакала:

«Гой еси ты, любимая кумушка,

Молода Анна Ивановна!

А и выпей чару зелена вина,

Поминай ты любимого крестника,

А и молода Добрыню Никитьевича,

Извела его Марина Игнатьевна,

Былина загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

А и ноне на пиру похваляется».

Проговорит Анна Ивановна:

«Я де сама эти речи слышала,

А слышала речи ее похваленые».

А и молода Анна Ивановна

Выпила чару зелена вина,

А Марину она по щеке ударила,

Сшибла она с резвых ног,

А и топчет ее по белым грудям,

Сама она Марину больно бранит:

«А и сука ты,..., еретница...!

Я де тебе хитрея и мудреня,

Сижу я на пиру, не хвастаю,

А и хошь ли, я тебя сукой обверну?

А станешь ты, сука, по городу ходить,

А станешь ты, Марина, много за собой псов водить».

А и женское дело прелестивое,

Прелестивое, перепадчивое.

Обвернулася Маринка касаточкой,

Полетела далече во чисто поле,

А где то ходят девять туров, Девять братеников,

Добрыня то ходит десятый тур;

А села она на Добрыню, на правый рог,

Сама она Добрыню уговаривает:

«Нагулялся ты, Добрыня, во чистом поле,

Тебе чисто поле наскучило

И зыбучие болота напрокучили,

А и хошь ли, Добрыня, жениться?

Возьмешь ли, Никитич, меня за себя?» –

«А право, возьму, ей богу возьму!

А и дам те, Марина, поученьица,

Как мужья жен своих учат».

Тому она, Марина, не поверила,

Обвернула его добрым молодцем,

По старому, по прежнему,

Как бы сильным могучим богатырем,

Сама она обвернулася девицею;

Они в чистом поле женилися,

Круг ракитова куста венчалися.

Повел он ко городу ко Киеву,

А идет за ним Марина раскорякою.

Пришли они ко Марине на высок терем,

Говорил Добрынюшка Никитич млад:

«А и гой еси ты, моя молодая жена,

Молода Марина Игнатьевна!

Былина загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

У тебя в высоких хороших теремах

Нету Спасова образа,

Некому у тя помолиться,

Не за что стенам поклониться.

А и чай моя вострая сабля заржавела?»

А и стал Добрыня жену свою учить, Он молоду Марину Игнатьевну,

Еретницу, ..., безбожницу:

Он первое ученье – ей руку отсек,

Сам приговаривает:

«Эта мне рука не надобна,

Трепала она, рука, Змея Горынчища»;

А второе ученье – ноги ей отсек:

«А и эта де нога мне не надобна,

Оплеталася со Змеем Горынчищем»;

А третье ученье – губы ей обрезал

И с носом прочь:

«А и эти де мне губы не надобны,

Целовали они Змея Горынчища»;

Четвертое ученье – голову отсек

И с языком прочь:

«А и эта голова не надобна мне,

И этот язык не надобен,

Знал он дела еретические».

Источник: Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. Издание подготовили А. П. Евгеньева, Б. Н. Путилов. М., 1977. №9.